

Биданок М.М.

ГБУ РА «Адыгейский
республиканский институт
гуманитарных исследований им.

Т.М. Керашева»

г. Майкоп.

E-mail: marziyatbidanok@mail.ru

**«ТАЙМ»-КАТЕГОРИЯ И ЕЕ ФОРМА В АДЫГСКОЙ ПРОЗЕ
СЕГОДНЯ
(НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ ДЖ. КОШУБАЕВА)**

Аннотация: В статье рассматриваются время и порождаемая им видовременная категория, имеющиеся в художественных текстах, по их праву на свою форму в теории и на примере текста адыгского автора Джамбулата Кошубаева в его современной повести «Был счастья день». Прослеживаемая здесь автором статьи языковая мобильность на базе писательской экспрессии обусловлена персонажными перемещениями. Как считает М. Биданок, последовательное расположение актовых сочетаний в тексте способно оказаться весьма конструктивным, без пропусков и изъянов. Таким образом, рассматриваемая в статье как самостоятельный механизм тайм - область в художественном тексте выступает в слаженной и перспективной роли.

Ключевые слова: Тайм, время, проза, адыг, Джамбулат Кошубаев.

Bidanok M.M.

ARIHR (ARIGI) named after T.M. Kerashev,
Republic of Adygea, Maykop

E-mail: marziyatbidanok@mail.ru

**"TIME"-A CATEGORY AND ITS FORM IN ADYGHE PROSE
TODAY
(ON THE EXAMPLE OF THE STORY OF J. KOSHUBAEVA)**

Abstract: The article examines time and the type-modern category generated by it, which are available in literary texts, according to their right to their form in theory and by the example of the text of the Adyghe author Dzhambulat Koshubaev in his modern story "There was a happy

Day". The linguistic mobility traced here by the author of the article on the basis of writer's expression is due to character movements. According to M. Bidanok here, the sequential arrangement of act combinations in the text can be very constructive, without omissions and flaws. Thus, the time domain considered in the article as an independent mechanism in the literary text acts in a well-coordinated and promising role.

Keywords: *Time, time, prose, adyg, Dzhambulat Koshubaev.*

Время и порождаемая им видовременная категория в художественном произведении обладает правом иметь собственную форму. Так называемое «тайм» (то есть временное) пространство преимущественно стандартизировано. Оно подразумевает достаточную строгость изложения, обусловленную структурированностью фрагментов, которая исходит из текущего развития видовременных факторов. Оптимально насыщенным, своеобразным признается стратегия некоего передвижения в подвижном повествовании, которое обозначается советским филологом В.В. Виноградовым в качестве «зигзагообразного, то есть союзного или бессоюзного». Так, к примеру, некие поабзацные перемещения во времени можно проследить и в рассматриваемой нами повести адыгского писателя нового времени Джамбулата Кошубаева «Был счастья день» (Нальчик, 2004). Вот, в частности, эпизод беседующего завоевателя Александра Македонского с жителями завоеванных земель. Спрашивая жителей города, не имеющего правителя, о причине их благоденствия, он получает ответ: ««Потому что мы живем в мире и согласии, и у нас нет законов, которые бы мы нарушали». Все это очень удивило завоевателя и, уже покидая город, он встретил портного» [1, с. 104]. Тем самым, здесь налицо выделяемый В. Виноградовым моментальный зигзаг по времени.

Основанный на тайме охват видоизменяет индивидуальные критерии, выстраивает исходные множители вычисления. Происходит постоянное колебание темпорального ракурса. Непосредственно возможная трактовка включения некоторых ситуативных направлений в определенный контекст рассуждений предначертана. Она обусловлена спецификой передвижений частей речи, способных воспроизводить шаг или поступок. В частности, как

пример можно привести следующий фрагмент текста из Дж. Кошубаева. Так, к примеру, вот как он описывает в Эпilogue своей повести («Был счастья день») встречу сотрапезников: «Они пребывали в самом благоприятном расположении духа, несмотря на то, что не было среди них престарелого принца Исхака. Кравчие бесшумно скользили у них за спинами, наполняя пустеющие кубки. Тихо звенела лютня, и нежный голос певицы плыл под сводами» [1, с. 170]. Таким путем имеющаяся подвижность, возможная эмоциональная переменчивость тайм-охвата предопределены индивидуальными перемещениями сфер повествований. Таковые отвечают в ритмике собственных движений качествам взаимной расположенности видов паст- (past), перфект- (perfect) и имперфект- (imperfect, future).

Вероятно и то, как мирно, хладнокровно происходящее развитие фабулы неожиданно обрывается. В такой момент устанавливается эмоционально, а также содержательно несходный изгиб в пределах той или иной синтаксической конструкции. Вследствие этого абзац либо предложение, исполняющие роль синтаксической единицы, заканчиваются и уходят из изложения, как это происходит порой в рассматриваемой повести у Дж. Кошубаева: «Внезапно мои размышления были прерваны. Неизвестно откуда появилась растрепанная старуха и схватила мою лошадь под уздцы» [1, с. 105]. Наибольшая событийная суть здесь содержится на глагольных формах слов. Подобная событийная модификация выступает, как выражается классик отечественного языкознания В.В.Виноградов, неким «потенциальным сюжетом с эпилогом» [2, с. 229], поскольку содержит определенный завершённый устрашающий кадр, однако не предлагает развития событий и потому несет отнюдь не спущенный занавес.

Модификация, отмечаемая В. В. Виноградовым, которая основана на событиях посредством глагольных форм, включает некоторый, оберегаемый ею, вероятный потенциал энергетике. На самом деле, всякое представление крупным планом финального события внесет некий мощный штрих в повествование. Оно изобразит окружающим находящееся в наличии прошлое

вчера, а также предстоящее в перспективе грядущее завтра. К тому же заметна при этом будет догадка о произошедшем как о некоей функционально начальной границе для возможного в будущем (к тому же, предпочитаемого и панируемого). Осуществляемые персонажем Дж. Кошубаева филологом Хамдуном жизненные акты и события размещаются в цельно согласованной, но плотно связанной веренице прошедшей энергичной предприимчивости. Их кадры не просто логически, однако и личностно предопределены: «Филолог Хамдун третий месяц корпел над составлением словаря. Его вдохновлял пример знаменитого филолога аль-Азхари. Этот ученый муж был в караване паломников, когда попал в плен к бедуинам. Два года скитался он по пустыне вместе с кочевниками. Но это время не прошло для него даром, он собрал обширный материал и, освободившись, написал труд по арабской лексикологии, увековечивший его имя» [1, с. 174]. Имеющееся в текстовом абзаце далее развитие событий вполне закономерно. Творимое героем сегодня гармонично несет описываемое пространство минувшего времени, вследствие чего выступает разборчивым, внятным, понятным на фоне вышеописанных случившихся событий: «Хамдун сидел в тенистой беседке, прислушиваясь к журчанию фонтана. Он выводил стройные ряды букв, и ему представлялось, то он находится в бедуинской палатке посреди пустыни. <...> Хамдун дошел до буквы «д»» [1, с. 174].

Оптимально действующими и наиболее мобильными в ряду других воспроизведений тайм-временных модификаций, как хроникально, так и личностно обусловленных, допустимо назвать следующие. Это нередко работающее в литературных изложениях и выразительных повествованиях представление определенных сезонных изменений, способное резко изменить (как в лучшую, так и в худшую сторону) бытовую обыденность персонажей. По мнению сегодняшних филологов, наиболее интенсивной и частой в художественных текстах признается цветущая весна, за ней по количеству описываемых особенностей следует золотая осень, после –

холодная зима и лишь последним – жаркое лето. В частности, характерными для всех четырех времен года нальчикский исследователь А.А. Хажметова в 2013 году находит такой признак, как эмоциональная насыщенность, распространяемая тем или иным сезоном. Вообще весенние признаки, дающие сезону яркость, мобильность и красоту, можно считать оптимально присущими модернизму и постмодернизму в искусстве, благодаря чему весна в ее яркости наиболее присуща классификации исследователя из Нальчика. Однако летние черты в описании событий также имеют место быть у анализируемого нами писателя. Так, к примеру, перебирающийся в летнее время через забор в густо заросший сад персонаж Дж. Кошубаева оказывается смущен тяжелым благоуханием неизвестных ему цветов, кружащим ему голову и мешающим ему в ориентации.

Одновременно возможна сочетаемость форм и фигур «past в перфект» со всевозможными визуальными, а также морально-душевыми сферами. Необычные модификации сочетания, совокупности подобных персонально-своеобразных наборов деятельностного словаря, – подобный комплект свойств может образовать постепенно наполненность зигзагами ведомого изложения. В частности, это абзац из рассматриваемой повести Дж. Кошубаева, в котором в ведомое автором повествование вклиниваются фрагменты прямой речи персонажа: «Рука непроизвольно тянется к перу. Что это? Овладение искусством? Рука, как инструмент, продолжение более совершенного инструмента? Я могу отличить плохое стихотворение от хорошего. Но я также знаю, что никто никогда не сможет написать безупречное стихотворение, безупречное, как сура Корана» [1, с. 110-111]. Past-конструкция в модификации «перфект» предполагает один из актов такого, построенного на времени изложения, какое обусловлено и регулируется несовершенной временной формой. Тем не менее в аналогичном прошедшем «тайм» перфект-вида преобразование свершаемого действенного этапа оценивается посредством его итогового результата.

В пошаговый ход повествования, каковой выстраивается *past*- формами в версиях «перфект» способны быть введены ранее неизвестные признаки *past*-форм в имперфект-модели. Подобного рода вариации отчетливо выстраивают в повествовательном пространстве объемную трехмерность с ее приближенностью либо отдаленностью. Такие черты выявляют в самостоятельных, нередко свободных каймах обширную карту прошлого. Таковые делятся местами между собой, а также назначают описываемое в однотипную тайм - среду. Как в частности, это происходит у Дж. Кошубаева: «Но в тот момент мои мысли были заняты только одним: как бы увидеть еще раз эту удивительную девушку и, как знать, может, мне удалось бы перемолвиться с нею словечком. Я прождал еще некоторое время» [1, с. 172]. И вскоре, в следующем абзаце: «На следующий день я вновь отправился к тому дому» либо «Несколько дней я исправно наблюдал» [1, с. 173] и так далее.

В то же время в строках планетарной литературной классики тайм - категория при имперфекте преимущественно и чаще всего воспроизводит индивидуально переживаемое эмоциональное пространство, наступающее вследствие некоторого действия или в ответ на параллельное ему благоразумное понимание: «В конце концов я рассудил, что рано или поздно девушка вернется домой, и разумнее последовать за хромым. Всемогущий Аллах! Лучше бы я этого не делал!» [1, с. 173]. Такой же действительно плодотворной допустимо называть тактику включения внезапно произошедшего перфекта в минувший имперфект.

Иногда *past*-формы в перфект преобразованиях выстраивают собой фактически пространственную, а также темпоральную черту, содержащую в собственных границах сюжетную выдержку. К примеру, Эпилог в повести Дж. Кошубаева зачином несет следующий фрагмент: «Сотрапезники собрались в кабачке у Шлума. Они пребывали в самом благоприятном расположении духа, несмотря на то, что не было среди них престарелого принца Исхака. Кравчие бесшумно скользили у них за спинами, наполняя

пустеющие кубки. Тихо звенела лютня, и нежный голос певицы плыл под сводами» [1, с. 170]. Есть здесь и территория, и настроение, и прошедшее время.

В тайм-ракурсе формулируются бытовые условия, сопровождающие персонажный ряд. Причем задаваемый рассказчиком тон повествования, касающийся его собственной личной жизни, прерывается интригой, содержащейся в его ремарках, касающихся мужчины, значимого и известного в социуме: «В тот вечер, когда покойный визир беседовал с министром, – сказал каллиграф Харут, – я случайно оказался поблизости» [1, с. 170]. Фрагмент повествования в подобной струе не просто движется, но и видоизменяет вариативные модификации персонального плана. Подобные непредвзятые и потому объективные тайм-повороты, которые возможны естественно в сюжетном развитии, обволакиваются индивидуальными темпоральными впечатлениями, относимыми и к рассказчику, и к действующим лицам.

Пошаговое и поэтапное местоположение конфигураций, предполагающих тот или иной акт, может выступить четко выстроенным, не позволяющим пропуски и запрещающим изъяны. Например, есть такое обобщение у Дж. Кошубаева: «Они еще долго дивились тому, что произошло с их товарищем, вспоминали разные необыкновенные истории, слышанные прежде и косвенно подтверждавшие истинность услышанного. Виночерпии все так же бесшумно скользили за их спинами, звучала лютня и постепенно спокойствие и уют, царившие в кабачке Шлума, обволакивали сотрапезников, возвращая уверенность в себе и в этой полной чудес жизни» [1, с. 174]». В этом и в других подобных фрагментах повествование вводит адресата не только в единственное приведение произошедших действий, однако и в период ощущения или осмысления таковых. Таким образом, сложность логической соотнесенности в формулировании заключительных синтаксических конструкций есть фактическая сложность текстовых изложений. Она может выступить регулируемой благодаря

проанализированным выше стратегиям размещения тайм-форм в перфект и имперфект модификациях. Тем самым, анализируемая в статье в виде независимой структуры временная сфера решительно действует как стержневой механизм, который имеет перспективу. Она произведена человеческой мыслью на стыке тысячелетий и предлагает культуре прежде неведомое содержание действительности, нужное в ходе и авторского продуцирования, и читательского получения излагаемой строки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кошубаев Дж. Абраг. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 192 с.
2. Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – 29,48 п.л.

REFERENCES

1. Koshubaev Dzh. Abrag. – Nal`chik: E`l`brus, 2004. – 192 s. [Koshubaev Dzh. Abrag. – Nalchik: Elbrus, 2004. – 192 p.]
2. Vinogradov V.V. Izbranny`e trudy`: O yazy`ke xudozhestvennoj prozy`. – M.: Nauka, 1980. – 29,48 p.l. [Vinogradov V.V. Selected works: On the language of fiction. – M.: Nauka, 1980. – 29,48 p.l.]